

КНИГА И ДОКУМЕНТ: «ЦЕНА» ВОПРОСА

ЛАРИСА ДОВНАР

Белорусский государственный университет культуры и искусств
Кафедра теории и истории информационно-документных коммуникаций
ул. Рабковская 17, Минск, 220007, Республика Беларусь
E-mail: loradounar@gmail.com

Понятия «книга» и «документ» рассматриваются в историко-культурном контексте гносеологического подхода. Основное внимание сконцентрировано на проблемах сущностного порядка в соотношении книги и документа, которые представлены с точки зрения моральной ответственности формирования научных концепций и развития цивилизационных процессов: их ценности и значимости, духовности, нравственности, свободы слова, активности и пассивности, публичности и предназначения, управления бытием и творение бытия. Основной акцент – на автономности «книги» через её познание в книжной культуре в единстве материального, духовного и художественного.

Ключевые слова: книга, документ, книговедение, документоведение, теория информации и коммуникации, книжная культура.

Книга и документ, являющиеся одними из древнейших объектов познания и осмысления (от античной науки), в обозримом и относительно недалёком прошлом стали основой развития соответственно самостоятельных наук – науки о книге (библиологии, книговедения), науки о документе (документологии, документоведения). Под влиянием внешних факторов формирование теоретических знаний в данных науках вступило в полосу определённого противостояния, т. к. последняя – документология – стала пре-

тендовать на всеохватность и даже всезахватность в отношении объекта изучения библиологии – книги, которая оказалась включенной в систему различных типов и видов документов, став одним из них, а в самой науке о книге «документ» закрепился как синоним книги.

Чем выше предлагаемый уровень обобщений – документология как метатеория (теория теорий), теория информации и социальной коммуникации, информатология [1; 16], тем всё большую степень унификации получают и основные терминологи-

ческие понятия книговедения, возникает реальная угроза объявления их архаичными или же вообще – их исчезновение. Как относиться к данному развитию научных знаний? Почему так произошло и происходит? Это – эволюция «документа» или энтропия «книги»? Как связано развитие научных знаний, концепций, теорий с цивилизационным развитием человечества?

Задав себе ещё один вопрос: в каком обществе мы сейчас живём, какое общество мы строим, можем ли мы ответить с полной уверенностью, что это – информационное общество (куда логически вписывается информотология и всеобъемлющая информация), общество знаний (в котором, благодаря новым компьютерным технологиям вызволяется разум для совершенствования человека) или всё же это – общество потребления (где каждый является потребителем – в том числе и той же информации, техники, удобства и комфорта); общество, породившее такие проблемы как «дисфункция чтения, девальвация книги, дегуманизация социальной коммуникации» [15, 43–44]?

Позволю себе небольшое отступление, чтобы образно, на примере пересказанного эссе Павла Абрамовича [4] показать ответственность личности за развитие современной цивилизации. Получая Международную премию Каталонии, японский писатель Хоруки Муруками, чьи книги переведены на 40 языков мира, отметил в своей речи, что авария на АЭС «Фукусима-1» стала следствием коллективной ошибки его соотечественников. «После

Хиросимы и Нагасаки мы должны были всё время говорить “нет” ядерной энергии. Но мы своими руками повторили ошибку”. 25 лет тому назад белорусский писатель Алесь Адамович делал всё возможное, чтобы уменьшить последствия Чернобыля. Писал Михаилу Горбачёву, выступал с публицистическими статьями, готовил киносценарий, участвовал в научных конференциях, чтобы весь мир узнал о трагедии 1986 года. А. Адамович попрекал и себя, потому что обостренное чувство не только коллективной, но и персональной вины характерно каждому писателю. Это только на первый взгляд кажется, что камни и не сдвинулись даже, и бока их остались такими же острыми. Несколько лет назад никто бы не поверил, что Германия – одна из самых сильных экономик мира – решится закрыть все свои АЭС в ближайшие годы. Это произошло благодаря и протестам общественности, и интеллектуальному труду многих людей, в том числе, и книгам белорусской писательницы Светланы Алексиевич, чья книга “Чернобыльская молитва” утвердилась в немецких книжных “топах”. Рано ещё говорить о полной победе даже в отдельно взятой стране. Но, как замечает Х. Муруками: “...не нужно бояться мечты. Нельзя, чтобы нас как стадо вечно погоняли злые собаки, которых зовут “эффективность” и “удобство”.

Не снимается и ответственность ученых, как за развитие общества, так и за формирование своих научных концепций, находящихся во взаимосвязи с ним и взаимовлиянии. Вспомним такую пого-

ворку: «Как назовёшь, так и поедешь». А как далеко – это зависит и от нас.

Рассмотрение и анализ сложившихся научных концепций (в их ретроспективе), оказавших значительное влияние на формирование и приоритетное сегодня положение документологии, очерчивается следующими основными научными направлениями [14, 1]: правовым, историко-филологическим, гносеологическим (или эпистемологическим, когнитологическим) и управленческим. На наш взгляд, целесообразно обратить особое внимание на гносеологический подход, который анализирует не только использование термина «документальной информации» в области книговедческой деятельности, но и представляется, развивается, предлагается сегодня также некоторыми учеными как жизненно важное осознание значимости и разрешения научных и практических проблем, с которыми столкнулась книжная коммуникация [15], а также как поиск теоретических и методологических компромиссов в развитии науки о книге в XXI веке [10], следование аксиологической сущности книги и книжной культуры [5; 6].

Своими корнями гносеологическое направление уходит ещё к исследованиям древнегреческих философов Платона и Аристотеля, создавших основу для осознания письма и его результатов как процедуры познания. В Средневековье понимание ценности и значимости книги связано с сакрализацией письма, книга рассматривается как символ «откровения», трансцендентной тайны. Не зря

первой печатной книгой была Библия, а её перевод на другие языки содействовал формированию алфавита и письменности. «Да будет совершенен человек», – писал Франциск Скорина (как целеполагание книги, ценность книжных знаний в познании мироздания, культ книги). В эпоху Нового времени большое влияние имели труды философов, прежде всего Готфрида Лейбница (книга – источник знаний).

В первой половине XX века понимание ценности и значимости книги в осмыслении книговедения, книговедов получили дальнейшее развитие, углубившись в сущностную категорию «человеческой мысли», которая стала основой понятия «книга» у А. М. Ловягина; книга также рассматривалась и с точки зрения материальной формы, и как социальное явление Н. М. Лисовским. Классическими стали слова Михаила Куфаева, внесшего огромный методологический вклад в развитие библиологии – философии книги – произнесённые в 1921 г.: *«Правильнее всего понимать книгу как вместительницу всякой мысли и слова, облечённых в видимый знак, всё то, что могло бы при некотором техническом видоизменении получить вид и характер книги в самом узком смысле этого слова. И ассирийская клинопись, и латинский свиток, и современный фолиант и брошюра, и афиша – всё книги»* [8, 61–62]. В широком смысле – книга – явление, в котором посредством видимого знака зафиксирована мысль и слово, взятые вместе. М. Куфаев остается на позиции приверженца понятия «книга», которой

свойственен не только результат (им она и является – закреплённой мысли), но и бесконечный процесс творения.

Близок к данной трактовке и Поль Отле, например: *«Книга как письменное выражение идей, инструмент их фиксации, их хранения, их обращения является посредником, обязательным в отношениях между людьми»* [13, 187] и др. Под влиянием философии прагматизма, когда истинность связывалась с полезностью (Ч. Пирс, У. Джеймс) [14, 2–5], универсализм (Книги) и рационализм (внести порядок в «горы» бумаг и документов, создать «металлургию» прочитанных бумаг) у П. Отле становятся в результате обоснованием идеи создания единого мира знаний открытого доступа – Документации (или Универсальной Сети Документации), где составляющими элементами являются Книга и Документ, а общей наукой и технологией – Библиология, или Документология [13, 189]. Как отметил П. Отле, универсализм книги, её многофункциональность, диалектическая связь материала, формы и содержания в ней составляют её силу и жизненный потенциал [2], что и подтверждает заключительное слово «Трактата о Документации»: *«Книга» – средство универсальности, повсеместности, вечности»* [13, 308].

Со второй половины и до конца XX века в книговедении получают значительное развитие функциональная и структурно-типологическая концепции, представители которых, особенно среди русских и польских ученых (напр., И. Е. Ба-

ренбаум, А. И. Барсук, С. П. Омилянчук, А. А. Беловицкая, А. А. Гречихин, Е. Л. Немировский; К. Гломбёвский, К. Мигонь) в рамках своих исследований выходят как на междисциплинарное, так и культурологическое понимание «книги», рассматривая её как инструмент коммуникации в реализации разнообразных функций, как средство закрепления языковой и визуальной информации. Активизация же в это время и информационно-документоведческой парадигмы «спровоцировала» специалистов в области информатики, библиографии и библиотековедения на введение обобщающего понятия «документ». В некотором смысле механически в данных дисциплинах происходит замена понятия «книга» на «документ», «читатель» на «потребитель информации» и т. д., в результате уже в первом десятилетии XXI в. «Документоведение» становится вузовской дисциплиной, включающей и даже заменяющей «Книговедение», исчезают традиционные названия «библиотечных» вузов (школ, институтов, факультетов), становясь информационно-документными или научной информацией [1, 201].

Сегодня книговеды выражают немалую обеспокоенность тем, что данная весьма опасная тенденция проявляется «во все более настойчивых попытках подмены объектно-предметных основ комплексной науки о книге», которая исходит от так называемой «широкой» концепции документоведения, считающей книгу одним из видов или разновидностей документа [9; 17], что в целом (в ходе дис-

куссий) «размывает существо предмета и вносит хаос в исторически устоявшиеся представления о том, что есть книга, а что есть документ» [10, 222].

Происходит не просто унификация терминологии, но, по сути, конструируется документальное пространство; явление не познается, а «конструируется под флагом междисциплинарности, при этом прочность конструкции определяется голосованием» [14, 12]. Подтверждением тому могут служить хотя бы примеры трактовки понятия «книга» как книжного издания (у Н. Н. Кушнаренко) [9, 219, 227] и даже, несмотря на дифференциацию понятия «книга» по особенностям материального носителя информации, а также по особенностям знаковой формы и восприятия человеком (Книга I, II, III, IV, V, VI), представленную Г. Н. Швецов-Водка, автор в итоге констатирует, что «книга – это документ опубликованный, изданный или депонированный...» [17, 258]. Условными для книговедения являются и предложенные документоведами такие понятия (заимствованные из теории информации и социальных коммуникаций), как «коммуникант», т.е. автор и «реципиент», т.е. читатель. Если в документологии данная унификация может быть оправдана, то в книговедении она неприемлема и в теории, а тем более на практике (напр., издательской). Конвенционализм в данном случае не проходит, как и с термином «документ», который для удобства использования определяется как «записанная информация» [14,

11]. А какое же значение тогда будет иметь «документная информация»?

Несмотря на то, что в ряде специальных энциклопедических изданий оба термина «книга» и «документ» почти одинаково трактуются или используются как синонимы, книговеды всё же не решаются их отождествлять. И, как считает А. В. Соколов, такого отождествления допустить нельзя ни в книговедении, ни в документоведении, чтобы избежать всё той же анархии и хаоса [15, 46].

Каждая из научных дисциплин имеет свои области исследования, от объекта и предмета до методики и методологии. Задокументировать бытие – это превосходно, можно и нужно попробовать решить это и на практике (как предлагал П. Отле), а для этого, несомненно, необходимы знания о документах, о их различиях и особенностях, общности, чтобы описать, учесть и... оставаться «статистами»?

Данные изменения концептуальных научных направлений в области документологии и даже информатологии по отношению к библиологии появились, безусловно, не на пустом месте [1, 196–201]. Обозначенные выше проблемы существенного порядка, как дисфункции чтения, девальвации книги, дегуманизации социальной коммуникации – как общечеловеческие, так и научные – выявились и продолжают расти с распространением и возведением в главенствующую цель (а не средство) новых технологий (сегодня – это Интернет как главный коммуникационный канал, мультимедиа продукты и

т. д.); с превращением книги в товар, оцениваемый не по духовному содержанию, а по рыночной конъюнктуре. На фоне глобальной информатизации и компьютеризации книжная коммуникация выглядит, казалось бы, неконкурентноспособным анахронизмом, а на фоне коммерциализированных средств массовой информации книге отводится незавидное маргинальное место [15, 43; 1, 201–202].

От жажды общения и чтения человек переходит к жажде накопления и потребления. Мы становимся пользователями и потребителями информации, документа, библиотеки и т. д., но не книги – потому что книга всё же читается или не читается; у книги есть или нет читателей. На уровне осмысления, постижения смыслов-предназначений существуют и развиваются книги (а не документы) детские, художественные, учебные, научные, религиозные и др. На чувственном уровне, например, мы можем сказать: «Я люблю книгу», «Какая красивая книга!» (а можно ли так сказать о документе, информации?). Были и есть библиофилы, страстно увлечённые коллекционированием книг, а есть ли или появятся ли «документофилы»?

Значительная часть документоведческих знаний основывается на рассмотрении книги как вида или разновидности документа, т. к. «обеспечение общества информацией происходит, главным образом благодаря существованию и применению в документационном процессе книги» [17, 248]. Хотя коммуникационно-информационный подход, в основ-

ном используемый документоведами, и представляет определённый интерес для книговедов (например, сравнение и соотношение понятий, свойств и функций «документа» и «книги», типология и видовая классификация книжных изданий), однако содержит и ряд противоречий, несмотря на то, что концептуально стремится на «поглощение» «книги».

На наш взгляд, «книга» представляется весьма однобоко – с материальной точки зрения и то не в полном объёме, т. к. рассматривается в основном как книжное (печатное) издание. Отсюда и констатация того, что «любую книгу можно назвать “документом”, но не каждый документ “книгой”» [17, 262]. В данном случае необходимо заметить, что сущность книги как документа – это только одно из её свойств быть документом, свидетельствовать о чём-либо, а также выполнять одну из важнейших функций – документирования тех или иных явлений. И в этом смысле книга выполняет, как и документ, пассивную роль, т. к. в исторической перспективе только отражает и сохраняет историю и культуру человечества, становится книжным (документальным) памятником (в том числе и научных знаний), задокументированным бытием.

А отличие книги от документа и состоит в том, что отмечается, кстати, и документоведами, в её активной роли в формировании общественного сознания [17, 286]. Активность книги проявляется в жизнедеятельности, в её участии в изменении и совершенствовании человека (так должно

быть!). В процессе коммуникации, когда даже ограничена свобода слова, культивируется «массовая культура», потребительское отношение в обществе, регулируемые и управляемые соответственными законами (государственными документами), роль и предназначение книги в отношении творения бытия, направленного на гуманизацию человека, возрастает, становится остро востребованной, и, казалось бы, за её массовой недоступностью скрывается, тем не менее, её активность – как постоянная ответственность за моральный и духовный облик человечества.

Книга всегда публична, даже если имеет специальное предназначение, например, научная, учебная и т. д. Или даже тогда, когда запрещена к распространению, к изданию, но она всё равно уже существует как явление и рано или поздно становится всеобщим достоянием. Среди же документов всегда есть документы, как для публичного распространения, так и для специального (например, в управлении государством).

Документ, как доказательство, принятый довод, выработанная норма сегодня и сейчас может и участвует в управлении бытием человека, детерминирует бытие. Но книга – в идеале, как творение бытия, явление культуры существует в процессе общения, в процессе чтения, вне времени и вне пространства ради творения и совершенствования бытия, творит совершенное бытие и человека. *«Как время для начинавшего историю осмысления письменности Платона есть “подвижный образ вечности”, так книга у завершителей этой линии мы-*

слительных, культурных традиций есть подвижный образ времени. Она связывает эмпирию со смыслом и в каждом печатном знаке, с каждым следующим словом, каждой перевернутой страницей снова и снова дает, закончу словами Борхеса, “скромный урок” посильного смыслотворчества» [7, 90].

Статичность документа – это только его наличие, фиксация результата – и в этом его пассивность. Динамика книги, её активность – многообразное не только явление, но и бесконечный процесс. «Можно сказать, книга (Книга) всегда уже есть как возможность любой – другой или следующей – книги <...>» [7, 83].

Раскрывают ли в полном объёме знаковую и семантическую, как свойства книги (в документоведении), тот огромный пласт письма и языка, закреплённых в ней, являющихся важнейшими определителями и индикаторами человеческой культуры [12], творящими её, человека, нации? Рассматривая свойства книги и документа, среди которых знаковая и семантическая занимают одну из главных позиций, документоведы в силу коммуникационно-информационного подхода не углубляются в роль и предназначение смыслов, только лишь концентрируют внимание на способе передачи информации. Но в конечном итоге эти свойства книги – знаковая и семантическая – проявление культуры, а та же книга – её важнейший фактор. Не хотелось бы в данном случае показаться эклектичной, отмечая, что существует и иная точка зрения, не столько связанная с «культурной функцией».

Этим примером хотелось лишь подчеркнуть то, что книга – это не только и не столько разновидность документа, книга – это не только текст, а текст – это не только отдельный документ или документы, составляющие книгу, « <...> книга и ее метонимические заместители, фрагменты (цитаты), символы (знак, буква) – это метафоры ценности (ценности книги как парадигматического образа смысла, субъективного смыслополагания – воли субъекта к смыслу, к его пониманию – как самодостаточной ценности)» [7, 85].

Книга как явление и процесс творчества имеет вполне самостоятельную сферу – книжную культуру, представляющую универсум культуры, что предполагает использование и иных исследовательских категорий, как, например, сущностных – ценностный концепт (книга как универсум культуры фиксирует ценности и одновременно сама является ценностью, начиная с письма и языка), феномен жизнеспособности книги, преэссенциальность (и сохранение преэссенциальности) книжного наследия, разнообразие и одновременно – инвариантность книжной культуры на её духовном, материальном и художественном уровне [5].

Современная научная библиологическая парадигма «книжной культуры» позволяет по-новому оценить и выйти на иной уровень осознания и познания книги, в том числе и книжной коммуникации; « <...> интегрированно исследовать мир книг как своего рода целостную систему» [3, 49], а сопоставляя с другими явления-

ми культуры – показать значимость книжной культуры для развития цивилизации, сегодня ещё в полной мере не оценённую [11, 19].

Также, как отмечает К. Мигонь, «книжная культура» может быть центральным понятием для разных представлений: теоретических (теория книги как предмета, инструмента и функций в культуре), исторических (история книжной культуры разных эпох), территориальных (книжная культура городов, регионов, краев, государств, наций и т. д.), личностных (книжная культура человека, от детского до пожилого возраста), коллективных и социальных (книжная культура социальных классов, профессиональных и религиозных групп и т. д.), прогностических и других [11, 19].

Авторы предлагаемых сегодня концепций метатеории информации, философии информации, как А. В. Соколов [15; 16], признают, что вместе с упорядочением терминологии, построением общей теории документа, только в полноценном сотрудничестве наук документно-книговедческого цикла возможен выход и разрешение назревших проблем. Следуя намеченными ещё М. Куфаевым направлениями (в работах «Проблемы философии книги», 1924; «Книга в процессе общения», 1927), предлагается учитывать психологию и социологию чтения, потребности и интересы читателей, их ценностные ориентации и национально-культурные традиции и т. д. – учитывать все те факторы культуры, чтобы приблизиться к ответу на

вопрос – зачем и для чего всё в цивилизационном развитии человечества:

«...» Природа, человек и книга составляють величайшую жизненную триаду. Самоограничение автора через неполную выразимость мысли в слове, данном в социальной среде, и “окарнение” мысли его раскрепощается в материальной природе книги через творческое воплощение этой неполной мысли и самое слово книги наполняется в общественном процессе чтения, переживания и поведения содержанием, вскрывающим в итоге все мысли автора, читателя, критика, общественного деятеля. И наполнение это идет через весь мыслимый процесс книги в пространстве и времени. Отсюда проблема жизни и человека как существа общительного сливается с проблемой книги. И решить эту проблему в науке, литературе, технике и жизненной среде столько же долг, сколько и подвиг человека [8, 158–159].

«Цена» вопроса слишком высока, и чтобы книжность стала оплотом гуманизации в эпоху глобализации – через утверждение в общественном сознании гуманистических идеалов свободы и толерантности, социальной справедливости и творчес-

кой самореализации личности, а только этот путь видится как выход из духовного, культурного и социального кризиса [15, 44] – «мелочей» не может быть и в формировании научных понятий и терминов, концепций, связанных с человеческими, а значит культурными ценностями.

И одним из главных, на наш взгляд, направлений в этом процессе, как и в предмете книжной культуры, является аксиологическая, ценностная составляющая книги (книжного мира) [5; 6], основу которой составляют язык, письмо, письменность и искусство как целостность и как её специфический потенциал, реализуемый в процессах восприятия книги, в бесконечных конкретизациях и новых прочтениях.

«Цена» вопроса не будет ни для кого угрожающей, если и книга, и документ сохранят автономию своих объектно-предметных областей, которые, как равнозначные круги Эйлера, будут только пересекаться как в науке, так и в жизни, оздоровлении общества.

ССЫЛКИ

1. GRABOWSKA, MARTA. Informacja – ten niezwykły przedmiot badań. Od bibliologii do nauki o informacji. In *Bibliologia i informatologia*. Warszawa, 2011, s. 189–202.

2. MIGONĀ, KRZYSZTOF. Paul Odlet o bibliologii, książce i dokumencie. In *Przestrzeń informacji i komunikacji społecznej*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2004, s. 370–376.

3. MIGONĀ, KRZYSZTOF. Парадигмы науки о книге двести лет тому назад и сегодня. *Книготыра*. 2010, т. 54, р. 44–53.

4. АБРАМОВИЧ, ПАВАЛ. Вада точыць камяні. In <http://arche.by/by/39/20/5999/Badach-tochytc-kamiani.htm>. Дата доступа: 10 июня 2011 г.

5. ДОВНАР, Л. И. Белорусская книга как универсум национальной культуры. In *Книготыра*, 2010, т. 54, р. 161–172.

6. ДОВНАР, Л. И. Книжная культура как философско-культурологическая категория библиологии (к постановке проблемы). In *Наука о книге: Традиции и инновации: К 50-летию сборника «Книга. Исследования и*

материалы»: материалы XII Международной научной конференции по проблемам книговедения (Москва, 28–30 апреля 2009 г.). В 4 ч. Москва: Наука, 2009, ч. 1, с. 462–465.

7. ДУБИН, БОРИС. Хартия книги: книга и архикнига в организации и динамике культуры. In *Слово – письмо – литература: очерки по социологии современной культуры*. Москва: Новое литературное обозрение, 2001, с. 82–90.

8. КУФАЕВ, М. Н. *Проблемы философии книги. Книга в процессе общения*. Москва: Наука, 2004.

9. КУШНАРЕНКО, Н. Н. *Документоведение*: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Киев: Т-во «Знання», КОО, 2000.

10. ЛЮТОВ, С. Н. Наука о книге в начале XXI в.: время компромиссов. In *Берковские чтения. Книжная культура в контексте международных контактов*: материалы Международной научной конференции (Минск, 25–26 мая 2011 г.). Москва: Наука: Фонд «Книжная культура», 2011, с. 220–223.

11. МІГАНЬ, КШЫШТАФ. Стан сучаснага кнігазнаўства як навукі. In *Беларуская кніга ў кантэксце сусветнай кніжнай культуры*: зб. навук. арт. Мінск, 2008, вып.2, с. 10–38.

12. МИГОНЬ, К. Письмо и язык как определители и индикаторы книжной культу-

ры. In *Наука о книге: Традиции и инновации: К 50-летию сборника «Книга. Исследования и материалы»*: материалы XII Международной научной конференции по проблемам книговедения (Москва, 28–30 апреля 2009 г.). В 4 ч. Москва: Наука, 2009, ч. 1, с. 490–491.

13. ОТЛЕ, ПОЛЬ. Трактат о Документации / Пер. с франц. Р. С. Гиляревского. In *Библиотека, библиография, документация: Избранные труды пионера информатики*. Москва: ФАИР-ПРЕСС, Пашков дом, 2004, с. 187–309.

14. ПЛЕШКЕВИЧ, Е. А. Формирование научных концепций о документальных фазах информации. Гносеологическая и управленческая концепции документа. *Научно-техническая информация*, сер. 1, 2010, № 12, с. 1–21.

15. СОКОЛОВ, А. В. Документология как метатеория документной коммуникации. *Книга. Исследования и материалы*, 2009, сб. 91, ч. 1–2, с. 43–49.

16. СОКОЛОВ, А. В. *Философия информации*: профессионально-мировоззренческое учебное пособие. Санкт-Петербург: СПбГУКИ, 2010.

17. ШВЕЦОВА-ВОДКА, Г. Н. *Общая теория документа и книги*: учебное пособие. Москва: Рыбари; Киев: Знання, 2009.

A BOOK AND A DOCUMENT: THE PRICE OF THE QUESTION

LARISA DOVNAR

Abstract

The article deals with the following theoretical issues: a book and a document, its historical and cultural context, the understanding of its value and significance, the change of its essence: is it a scientific or a human problem? Also, spirituality, morality, freedom of speech in defining the

place and role of book and documents in social development, activity and passivity of book and document in the context of their functioning and destination, document in the sphere of the management of being, book as creation of being.

KNYGA IR DOKUMENTAS: KLAUSIMO KAINA

LARISA DOVNAR

Santrauka

Straipsnyje gnoseologiniu požiūriu nagrinėjamos sąvokos *knyga* ir *dokumentas*. Ypatingas dėmesys skiriamas šių sąvokų esminiam santykiui, žiūrint į jį iš moralinės atsakomybės už mokslinių koncepcijų formavimą ir civilizacijos procesų vystymosi taško. Svarbiausias akcentas – *knygos* autonomija, knygos kaip materialaus, dvasinio ir meninio prado vienio, funkcionavimas knygos kultūroje.

Knyga kaip dokumentas – tai tik viena iš knygos savybių „būti dokumentu“: liudyti tam tikrus dalykus, atlikti vieną ar kitą reiškinį. Knyga, kaip ir dokumentas, atlieka pasyvų vaidmenį, nes istoriniu požiūriu ji tik atspindi ir išsaugo žmonijos istoriją ir kultūrą, tampa knygos (dokumento) paminklu (kartu ir mokslo žinių paminklu), dokumentuota būtimi. Knygos ir dokumento skirtumas tas, kad knyga aktyviai formuoja visuomenės sąmonę. Tas aktyvumas reiškiasi knygos gyvybingumu, jos dalyvavimu žmogaus keitimosi ir tobulėjimo procese.

Dokumentas kaip įrodymas, kaip gautoji išvada, priimtoji norma šiandien ir dabar gali dalyvauti kuriant žmogaus būtį ir ją lemti. Bet knyga kaip idealas, kaip būties tvarinys, kultūros reiškinys dalyvauja komunikacijos ir skaitymo procese, nepaklūsta laikui ir erdvei, pati kuria būtį ir žmogų. Knygos rašto ir kalbos klodai, būdami esminiai žmonijos kultūros rodikliai, kuriantys ir kultūrą, ir žmogų, naciją, atskleisti absoliučiai visų ženklų ir semantikos kaip knygos savybių dokumentotyroje negali.

Knyga kaip reiškinys ir kūrybos procesas turi savo sferą – knygos kultūrą, kultūros universumo dalį, reikalaujančią kitokių tyrimo kategorijų, pavyzdžiui, tokių kaip vertybinis konceptas (knyga kaip kultūros universumas fiksuoja vertybes, kartu pati yra vertybė, pradedant raštu ir kalba), knygos gyvybingumo fenomenas, knygos paveldo perimamumas (ir perimamumo išsaugojimas), įvairumas ir kartu knygos kultūros invariantiškumas dvasiniu, materialiuoju ir meniniu lygmeniu.

Klausimo „kaina“ pernelyg didelė. Kad knyga taptų humanizmo atsvara globalizacijos epochoje visuomenės sąmonėje diegiant humanistinius laisvės ir tolerancijos idealus, kad būtų asmenybės savirealizacijos priemonė, smulkmenų čia negali būti ir formuluojant mokslines sąvokas, terminus, koncepcijas, susijusias su žmogiškosiomis, taigi, ir kultūrinėmis vertybėmis.

Viena iš svarbiausių šio proceso kryptių, lygiai kaip ir knygos kultūroje, yra knygos aksiologinė, vertybinė dedamoji (knygos pasaulio dedamoji). Jos pagrindas – kalba, raštas, raštija, menas kaip visuma ir kaip specifinis potencialas, realizuojamas knygos suvokimo procesuose, begaliniuose jų konkretinimuose ir vis naujuose „perskaitymuose“. Klausimo kaina nebus grėsminga, jeigu ir knyga, ir dokumentas išsaugos savo objekto ir dalyko autonomiją, taigi, ir bibliologijos bei dokumentotyros mokslų autonomiją.

Įteikta 2011 m. rugpjūčio mėn.